

А. Н. Бенуа

История русской живописи в XIX веке

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
Б46

Б46   **Бенуа А.Н.**
История русской живописи в XIX веке: Выпуск 2 / А. Н. Бенуа – М.: Книга по Требованию, 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-518-05875-0

ISBN 978-5-518-05875-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	Стран.
Боровиковскій. Павелъ I. (Романовская галлерей).	17
„ Семейный портретъ. (Собр. Д. А. Бенкендорфа въ Спб.) .	18
Кипренскій. Автопортретъ. (Литографія)	19
„ Д. Давыдовъ. (Музей И. Александра III).	22
„ Д. Н. Хвостова. (Третьяковская галл.).	24
Варнекъ. Автопортретъ. (Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).	25
Тропининъ. Сынъ художника. (Третьяковская галл.)	27
„ Графиня Зубова. (Третьяковская галл.).	28
Орловскій. Бивуакъ. (Музей И. Александра III).	29
„ Дрожки. (Ориг. литографія)	30
Лосенко. (?). Живописецъ. (Третьяковская галл.).	32
Венеціановъ. Автопортретъ. (Музей И. Александра III)	34
„ Гумно. (Музей И. Александра III)	35
„ Группа крестьянъ. (Музей И. Александра III)	37
„ Помѣщица. (Музей И. Александра III)	38
Тырановъ. Пріятели. (Музей И. Александра III)	40
Зарянко. Г-жа Сокурова. (Музей И. Александра III)	41
Зеленцовъ. Мастерская Басина. (Музей И. Александра III).	42
Щедровскій. Мастерская бондаря. (Ориг. литографія).	43
Графъ Ѳ. Толстой. Душенька. (Ориг. гравюра).	44
„ Семейство художника. (Музей И. Александра III) . .	45
Ѳ. Алексѣевъ. Набережная Невы. (Музей И. Александра III)	48
Галактионовъ. Каменноостровскій мостъ. (Ориг. литографія)	49
М. Воробьевъ. Парадъ. (Собр. П. Я. Дашкова)	50
А. Брюлловъ. Гулянье на Елагиномъ. (Ориг. литографія)	51
Сильвестръ Щедринъ. Сорренто. (Музей И. Александра III).	53
К. Брюлловъ. Автопортретъ. (Румянцевскій Музей).	58
„ Помпея. (Музей И. Александра III).	60
„ Сонъ бабушки и внуки. (Съ гравюры)	61
„ Н. Кукольникъ. (Третьяковская галлерей)	62
„ Граф. Самойлова. (Музей И. Александра III).	63
Бруни. Мѣдный змѣй. (Музей И. Александра III)	71
„ Потопъ. (Музей И. Александра III)	75
„ Вакханка. (Музей И. Александра III).	77
Семирадскій. У фонтана	83
К. Маковскій. Масляница. (Музей И. Александра III).	85
А. Ивановъ. Явленіе Христа народу. (Румянцевскій музей)	96
„ Портретъ А. Иванова. (Литографія).	99
„ Этюды для „раба“. (Собр. М. П. Боткина).	101
„ Воскресеніе Христова. (Румянцевскій Музей)	103
„ Явленіе ангела Іосифу. (Румянцевскій Музей)	105
„ Моленіе о чашѣ. (Румянцевскій Музей)	107
Ярошенко. Портретъ Ге. (Третьяковская гал.)	113
Ге. Распятіе. (Собр. П. Н. Ге).	115
Кузнецовъ. В. Васнецовъ. (Третьяковская гал.).	117
В. Васнецовъ. Аленушка. (Третьяковская гал.).	119
„ Каменный вѣкъ. (Историческій Музей въ Москвѣ) . . .	121
„ Отцы русской церкви. (Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ) .	123
„ Страшный судъ. (Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ). . . .	125

	Стран.
Федотовъ. Художникъ съ родителями. (Собр. И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).	134
Федотовъ. Послѣдствія смерти Фидельки. (Третьяковская галл.).	137
Федотовъ. Свѣжій кавалеръ. (Румянцевскій музей).	139
Федотовъ. Сватовство маіора (Румянцевскій музей).	140
Федотовъ. Вдовушка. (Румянцевскій музей).	142
Рѣпинъ. Портретъ В. В. Стасова. (Третьяковская галл.).	148
П. Соколовъ. Въ пути	154
П. Соколовъ. Портретъ С. Атавы. (Музей Имп. Александра III)	155
Перовъ. Приѣздъ гувернантки въ купеческое семейство. (Третьяковская галл.)	160
Перовъ. Похороны въ деревнѣ. (Румянцевскій музей)	162
Перовъ. Портретъ Островскаго. (Третьяковская галл.)	163
Прянишниковъ. Спасовъ день. (Третьяковская галл.)	169
Крамской. Портретъ дочери художника. (Музей Имп. Александра III).	171
Крамской. Портретъ художника Литовченки. (Третьяковская галл.)	172
Ге. Портретъ Герцена. (Третьяковская галл.).	173
Ге. Портретъ Льва Толстого. (Третьяковская галл.)	174
Рѣпинъ. (Фотографія)	176
Рѣпинъ. Бурлаки (Дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича).	176
Рѣпинъ. Іоаннъ Грозный. (Третьяковская галл.).	177
Рѣпинъ. Не ждали. (Третьяковская галл.).	179
Рѣпинъ. Запорожцы. (Музей И. Александра III).	181
Рѣпинъ. Портретъ Пирогова. (Третьяковская галл.)	183
Савицкій. Встрѣча иконы. (Третьяковская галл.)	186
Ярошенко. Заключенный. (Третьяковская галл.).	187
Верещагинъ. Шипка—Шейново. (Третьяковская галл.).	189
Верещагинъ. Плевна. (Третьяковская галл.)	190
В. Маковский. Крахъ банка. (Третьяковская галл.).	192
Лебедевъ. Кастель Гандольфо. (Музей И. Александра III).	197
Ө. Васильевъ. Барки на Волгѣ. (Музей И. Александра III).	199
Айвазовскій. Кораблекрушеніе. (Музей И. Александра III).	200
Шишкинъ. Лѣсная глушь. (Третьяковская галл.)	203
Куинджи. Березовая роща. (Третьяковская галл.)	205
Куинджи. Гроза. (Третьяковская галл.).	207
Саврасовъ. Грачи прилетѣли. (Третьяковская галл.).	209
Полѣновъ. Бабушкинъ садъ. (Третьяковская галл.)	211
Дубовской. Притихло. (Музей И. Александра III).	212
Остроуховъ. Сиверко. (Третьяковская галл.)	213
Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы на богомолье. (Третьяковская галл.).	215
В. Суриковъ. (Фотографія).	216
Суриковъ. Утро Стрѣлецкой казни. (Третьяковская галл.).	217
Суриковъ. Боярыня Морозова (Третьяковская галлерей).	220
Суриковъ. Покореніе Сибири. (Музей И. Александра III).	221
Сѣровъ. Портретъ Левитана. (Третьяковская галл.).	227
Левитанъ. Мартъ. (Третьяковская галл.)	228
Левитанъ. Надъ вѣчнымъ покоемъ. (Третьяковская галлерей)	228
Левитанъ. Сумерки. (Третьяковская галл.).	229
Левитанъ. Лунная ночь	230
Сѣровъ. Портретъ Н. А. Римскаго-Корсакова. (Третьяковская галл.)	232

	Стран.
Сѣровъ. Подъ деревомъ. (Третьяковская галл.).	233
Сѣровъ. Дѣти. (Музей И. Александра III)	234
Сѣровъ. Октябрь. (Собр. В. В. ф. Мекъ въ Москвѣ)	235
Константинъ Коровинъ. Портретъ	236
Константинъ Коровинъ. Сѣверный пейзажъ. (Музей И. Александра III) .	237
Коровинъ. Сѣверное сіяніе	238
Нестеровъ. Св. Сергій Радонежскій. (Третьяковская галл.).	240
М. Нестеровъ. (Фотографія)	241
Нестеровъ. Подъ благовѣсть. (Собр. кн. М. К. Тенишевой СПб.)	242
А. Васнецовъ. Сибирь. (Собр. В. В. ф. Мекъ въ Москвѣ)	243
Аполлинарій Васнецовъ. Деревянный городъ въ Москвѣ XVII в. (Музей И. Александра III)	244
Якунчикова. Пригорокъ. (Оригинальный красоч. офортъ).	245
Архиповъ. На Окѣ	246
Свѣтославскій. Постоялый дворъ въ Москвѣ. (Третьяковская галл.). . .	247
Бразъ. Портретъ А. П. Соколова. (Музей И. Александра III).	249
Малявинъ. Портретъ. (Собст. баронессы Вульфъ).	251
Е. Полѣнова. Волкъ и Лиса. (Собр. княг. М. К. Тенишевой).	255
Малютинъ. Дворецъ Владиміра Красное Солнышко	258
Малютинъ. Золотой пѣтушокъ. (Собр. княг. М. К. Тенишевой).	259
М. Врубель. Сатиръ. (Собр. г. Жуковского въ СПб.).	265
М. Врубель. Ночное. (Собр. В. В. ф. Мекъ)	266
Л. Бакстъ. Портретъ. (Собр. С. П. Дягилева въ СПб.).	268
Малявинъ. Константинъ Сомовъ. (Собр. К. А. Сомова въ СПб.)	269
Сомовъ. Лѣтній вечеръ	271
Сомовъ. Прогулка. (Собр. С. П. Дягилева).	272

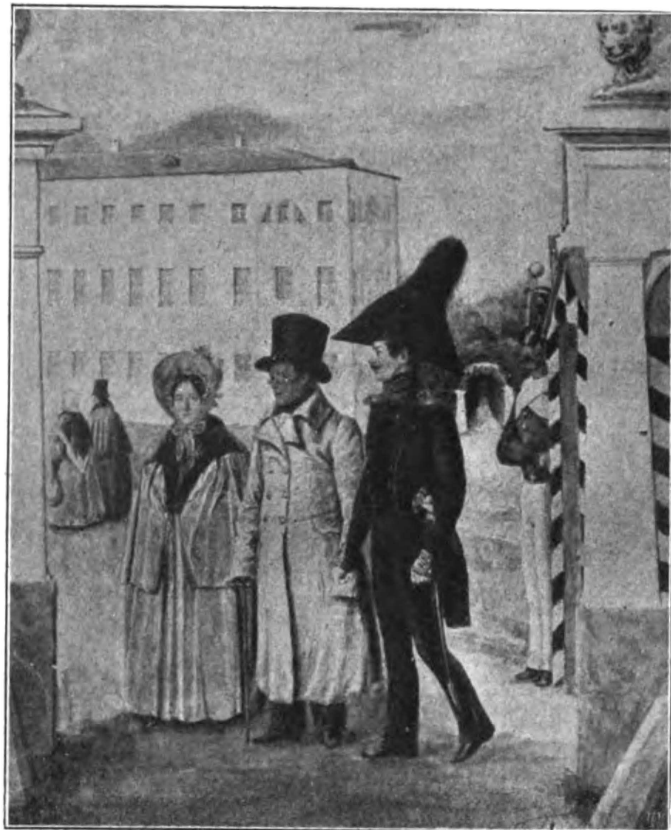

XVIII.

ОТМѢТИВЪ въ началѣ нашего изложенія первые проблески истиннаго, живаго искусства въ Россіи—въ творчествѣ Левицкихъ, Боровиковскихъ, Кипренскихъ и Венеціановыхъ, мы, затѣмъ, прослѣдили ложное, официальное, такъ называемое, академическое направленіе, которое, широкой волной, нахлынуло на юную русскую живопись и чуть было не затопило ее. Затѣмъ мы остановились на Ивановѣ, на томъ художникѣ, который, испытавъ на себѣ пагубное вліяніе академической системы, возсталъ противъ академизма и пожелалъ выразить въ живописи *живые* идеалы своего народа.

Отъ Иванова были пути, но тѣ, кто пошли по нимъ, спутались и создали безсвязно-слабое или ложное. Одного изъ этихъ послѣдователей — Ге, нельзя, несмотря на всю его значительность, счесть за истиннаго продолжателя Иванова, такъ какъ онъ пренебрегъ тѣмъ, что для Иванова было главнымъ: красотой. Другіе забыли великіе завѣты Иванова и промѣняли ихъ, кто на легкомысленное иллюстрированіе Евангелія, кто на велерѣчивое эффектичаніе въ духѣ церковной театральности. Однако, поворотъ отъ лжи къ правдѣ всетаки совершился, сліяніе русскаго искусства съ жизнью произошло, но вовсе не въ сферѣ „высокаго искусства“, не въ „исторической“, а въ скромной *бытовой* живописи, тамъ, гдѣ уже поработали Венеціановъ и его ученики. Въ дни еще полной славы Брюллова появился одинъ изъ самыхъ талантливыхъ художниковъ, одна изъ самыхъ яркихъ и чарующихъ личностей русскаго искусства: Оедотовъ.

Оедотовъ родился въ 1815 году, въ Москвѣ, въ бѣдной семьѣ отставнаго офицера. О какомъ либо художественномъ вліяніи на него въ дѣтствѣ ничего неизвѣстно. Мальчикъ, одаренный пытливымъ и живымъ умомъ, росъ и развивался свободно, при чемъ врожденная склонность интересоваться всѣмъ, что только ни попадалось ему на глаза, служила ему единственной учительницей и руководительницей. А видѣть могъ такой бѣдный, жившій совсѣмъ на свободѣ ребенокъ, разумѣется, несравненно больше, чѣмъ несчастные его сверстники, закабаленные, съ первыхъ же лѣтъ, въ удушливыхъ департаментахъ Академіи. „Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти“, говори-

Одотовъ: Художникъ съ родителями.

валь Оедотовъ, „обильна разнообразіемъ. Я всякій день видѣлъ десятки народа, самаго разнохарактернаго, живописнаго и, сверхъ всего этого, сближенного сомною... Все, что вы видите на моихъ картинахъ (кромѣ офицеровъ... и нарядныхъ дамъ) было видано и даже отчасти обсуждено во время моего дѣтства; это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я, почему-то, представляю мѣсто дѣйствія непременно въ Москвѣ“.

Послѣднія слова знаменательны. Оедотовъ не могъ бы развиваться и не могъ бы въ себѣ воспитать жизненнаго своего искусства, если бы онъ провелъ дѣтство въ казенномъ, холодномъ, мертвенномъ Петербургѣ. Въдъ и Венеціа-

новъ получилъ свои впечатлѣнія юности — самая яркія, самая важная для дальнѣйшаго развитія — въ Москвѣ и, дѣйствительно, лишь коренная, русская жизнь древней столицы, ея цѣльность и характерность могли настолько вѣзаться и запечатлѣться въ воображеніи обоихъ художниковъ, чтобы направить все ихъ дарованіе на живое и своеобразное творчество. Естественно, что впоследствии, какъ только притягательная сила Петербургской Академіи, начала слабѣть, настоящая русская школа живописи укрѣпилась и расцвѣла именно въ Москвѣ.

Никто, къ счастью, не обратилъ вниманія на духовную жизнь маленькаго Оедотова, никто не постарался направить его наблюденія на „путь истинный“, сейчасъ же подчинить ихъ патентованной школѣ. Въ 1826 году Оедотовъ былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ. Казалось бы, какая обстановка менѣ подходила для развитія художественной способности, нежели казенщина и дисциплина военного училища? Но на дѣлѣ вышло наоборотъ и, вѣроятно, не случайно, такъ какъ есть же какое нибудь основаніе въ томъ, что, какъ разъ изъ военнаго сословія — изъ самой строгой, стянутой въ мундиръ, николаевской военщины, — вышло столько великихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ русскихъ людей. Очевидно, въ этихъ заведеніяхъ слишкомъ много обращали вниманія на шагистику и ружистику, на внѣшній лоскъ, мундиръ и выправку, чтобъ услѣдить еще за духовнымъ и умственнымъ развитіемъ, которое было предоставлено волѣ Божьей. Люди глупые и бездарные выходили изъ такой школы, въ худшемъ случаѣ, скучными педантами — „Скалозубами“, въ лучшемъ — попросту добрыми ребятами; зато люди, съ богатымъ запасомъ душевныхъ и умственныхъ силъ, могли свободно, самобытно развиваться, не подвергая коверканію свой внутренній міръ. Врядъ ли Достоевскій могъ бы въ какомъ либо другомъ

учебномъ заведеніи, кромѣ какъ за крѣпостнымъ валомъ Инженернаго Замка, развиться до созданія еще въ этихъ самыхъ стѣнахъ своихъ „Бѣдныхъ людей“ (вѣдь немыслимо было бы что-либо подобное въ „благородномъ“ пансіонѣ, подъ вѣчнымъ присмотромъ вмѣшивающихся во все гувернеровъ). Такъ же точно, для художественнаго развитія Ѳедотова было скорѣе счастье, что онъ попалъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ свободно взлелѣялъ и направилъ *по своему* свои дѣтскія впечатлѣнія. Попади Ѳедотовъ въ юномъ возрастѣ въ Академію, изъ него скорѣе всего вышелъ бы второй Штернбергъ—нарядный, но бездушный и безсильный художникъ!

Уже въ своихъ учебныхъ занятіяхъ Ѳедотовъ обнаружилъ необычайную память и какую то даже странную фантазію. Ему не было скучно изучать географію и исторію, такъ же какъ и впослѣдствіи ему не казалось скучнымъ пестрое разнообразіе жизни. Все врѣзывалось въ его воображеніе, все освѣщалось у него въ мозгу яркимъ, своеобразнымъ свѣтомъ, все пріобрѣтало значеніе и смыслъ. Для этого страннаго ребенка исторія, изложенная въ примитивныхъ сухихъ учебникахъ, представлялась рядомъ драматическихъ эффектныхъ сценъ, а географія переносила его подъ яркія небеса, къ чудесной, чуждой нашему краю растительности. Такъ точно и въ жизни, впослѣдствіи, то, что для другихъ было скукой, безразличной суматохой, томительнымъ наборомъ ненужныхъ лицъ и событій, для него казалось увлекательнымъ романомъ, гдѣ тысячи героевъ участвовали въ безконечныхъ перипетіяхъ. Отъ Ѳедотова ничего не ускользало, все отпечатывалось въ его мозгу и мигомъ превращалось въ длящійся образъ и типъ: рѣдкая и драгоцѣннѣйшая способность въ художникѣ. Ѳедотовъ уже въ корпусѣ взялся за карандашъ: онъ рисовалъ портреты, карикатуры, и за это товарищи его любили, а начальство не беспокоило. Опять таки, къ счастью, никому не приходило въ голову засадить его за гипсы, никто не вдалбливалъ ему ядовитыхъ академическихъ сентенцій. На глупѣйшихъ урокахъ рисованія онъ числился лѣнтяемъ.

Окончивъ курсъ первымъ (въ 1833 году) и перебравшись въ Петербургъ—въ Финляндскій полкъ, онъ могъ наконецъ вполне утолить мучившую его во время корпуснаго затворничества, жажду людей. Онъ принялся неутомимо рыскать по городу и посѣщать своихъ знакомыхъ. Въ художественныхъ своихъ занятіяхъ онъ и теперь былъ все еще самъ себѣ учителемъ — точъ въ точъ, какъ одновременно юный Менцель въ Германіи. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ какихъ-либо картинъ Венеціановской школы (Брюлловъ тогда еще не гремѣлъ) Ѳедотовъ принялся за первую свою серьезную задачу: *за простой и пустой* видъ изъ окна.

Но общество его товарищей и знакомыхъ, славныхъ малыхъ, наивно заинтересованныхъ его упражненіями, не могло долго удовлетворять художника. Чѣмъ ревностнѣе отдавался онъ искусству, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ немъ необходимость дѣлиться съ назрѣвавшими внутри него мыслямъ. Къ тому же ему понадобились чисто техническіе совѣты и указанія, и все это побудило его, наконецъ, сойтись кое съ кѣмъ изъ начинающихъ художниковъ, которые и убѣдили его посѣщать вмѣстѣ съ ними вольные вечерніе классы Академіи. Теперь Академія, особенно въ такой незначительной дозѣ, не была уже опасной для Ѳедотова. Онъ являлся туда зрѣлымъ человѣкомъ и преподаватели смотрѣли на него, какъ на чудака, котораго уже поздно учить уму-разуму. Вслушиваясь въ пылкія юношескія рѣчи ¹⁾ своихъ новыхъ друзей, предоставленный,

¹⁾ Въ Музеѣ Императора Александра III хранятся многочисленныя, довольно ловкія карикатуры (вообще скучнѣйшаго академическаго художника) Нотбека, издѣвающіяся надъ проснув-

съ другой стороны, что касается дальнѣйшаго эстетическаго развитія, исключительно самому себѣ, Ѳедотовъ могъ сознательно и самостоятельно укрѣпить свою руку на срисовываніи мертвыхъ тѣлъ и натурщиковъ, не засушивая своего воображенія, не заслоня уже пріобрѣтенный отъ жизни опытъ всякой Винкельмановщиной. Лучшимъ совѣтникомъ, впрочемъ, явился для него такъ же, какъ въ былое время для Венеціанова, Эрмитажъ—тѣ же милые голландцы и фламандцы, съ Остаде и Теньеромъ во главѣ, которые такимъ убѣдительнымъ и горячимъ языкомъ, говорили о томъ, какъ интересно изображать обыденное, какъ много можно найти и въ немъ мотивовъ красоты. Ѳедотовъ совсѣмъ углубился въ искусство этихъ мастеровъ, внялъ имъ и ясно понялъ ихъ намѣренія. Благодаря влюбленности въ этихъ искреннихъ, сердечныхъ художниковъ, появленіе Брюллова не смутило его. Авторъ „Помпеи“ казался ему какимъ-то далекимъ, величественнымъ, но чуждымъ полубогомъ, и онъ не бросилъ, подобно Тыранову, Мокрицкому и Михайлову, изученіе простой природы во имя какого-то велерѣчиваго и пустого идеала. Благодаря своему основательному знакомству съ пріемами живописи старыхъ мастеровъ, Ѳедотовъ могъ, мало по малу, настолько развить свою технику, чтобъ даже довольно близко подойти къ своимъ образцамъ ¹⁾, къ ихъ эмалевому письму, къ пріятной, отнюдь не вымученной, но внимательной выпискѣ подробностей, къ чрезвычайной рельефности лѣпки, въ связи съ извѣстной „дымчатостью“ тона.

Съ годами призваніе Ѳедотова къ искусству стало сказываться все яснѣе и яснѣе, и все сильнѣе и сильнѣе ощущалъ онъ необходимость сдѣлать выборъ между будущностью художника и военной карьерой. Однако, лишь въ 1844 году онъ уступилъ, наконецъ, своему влеченію и промѣнялъ блестящую будущность по службѣ (онъ шелъ отлично) на завѣдомо-бѣдственное положеніе чловѣка, съ крошечными средствами (пенсіей отъ интересовавшагося имъ императора), принужденнаго учиться и одновременно кормить свою семью. Онъ еще не вполне сознавалъ, какой отрасли посвятить свой талантъ и скорѣе былъ склоненъ думать, подобно своимъ доброжелателямъ, что настоящее его призваніе—быть баталистомъ. Однако достаточно было одного толчка, чтобы Ѳедотовъ съ безусловной ясностью увидалъ въ чемъ именно его назначеніе. Великій знатокъ русской жизни помогъ ему разобраться въ самомъ себѣ. Крыловъ, первый начинатель всего истинно-русскаго движенія въ литературѣ, былъ такъ пораженъ и восхищенъ жизненностью и характерностью набросковъ и карикатуръ Ѳедотова, что даже преодолѣлъ свою классическую лѣнь и написалъ ему письмо, которое, наконецъ, открыло Ѳедотову глаза.

Въ то время въ обществѣ господствовало сатирическое настроеніе. Въ особенности литература, связанная, придавленная цензурой, но мощная затаенными силами, прибѣгала къ ироніи и сатирѣ, какъ къ наиболѣе удобной формѣ излагать свое отношеніе къ дѣйствительности, въ частности, свое отношеніе къ русской культурѣ. Гоголь уже замолкъ, но въ русскомъ обществѣ только тогда начинали оцѣнивать его по достоинству, понимать ужасъ его шутокъ, оглядываться на себя и вокругъ, и мало по малу переходить отъ смѣха къ слезамъ. Зрѣлъ,

---

шимся въ академическихъ классахъ, очевидно подъ вліяніемъ Венеціанова, реализмъ. Вѣроятно живой и искренній Ѳедотовъ сходилъ въ Академіи съ тѣми, нынѣ позабытыми, юношами, которые служили мишенью для этихъ насмѣшекъ.

¹⁾ Напротивъ того, Перовъ, жившій уже въ другую эпоху, когда на все старое рѣшительно махнули рукой, притомъ въ Москвѣ, гдѣ этого стараго было очень мало, такъ и не пріобрѣлъ *равно никакой техники*, и всю свою жизнь оставался очень сквернымъ „живописцемъ“. Но тогда это было скорѣе къ лучшему, такъ какъ въ этомъ блужданіи по неизвѣстнымъ и новымъ путямъ, только и можно было найти новыя техническія данныя.

Федотовъ: Послѣдствія смерти Фидельки.

покаместъ еще въ тайнѣ, ядъ Некрасова; Бѣлинскій, прячась за литературной критикой, все смѣлѣе и смѣлѣе высказывалъ свое пламенное негодованіе; Достоевскій, только что, въ первый разъ, истерически разрыдавшійся въ „Бѣдныхъ людяхъ“, теперь принимался точить лезвіе своего тонкаго, почти незамѣтнаго, но смертельнаго стилета. Росли и развивались будущіе герои 50-хъ и 60-хъ годовъ. Совѣтъ, данный Крыловымъ Федотову, исходилъ отъ литератора, весь вѣкъ, съ виду благодушно, но язвительно по существу, насмѣхавшагося надъ скверностью русской жизни, и этотъ совѣтъ литератора привилъ и художнику литературную точку зрѣнія на живопись. Федотовъ пошедшій по стопамъ милыхъ сердцу его голландцевъ, отступилъ отъ ихъ завѣтовъ, увлекся методическимъ проповѣдничествомъ Гогарта, оставилъ въ сторонѣ чисто живописныя задачи и взялъ въ руки не однѣ кисти и палитру, а еще розгу и указку.

Федотовъ и теперь проводилъ цѣлые дни въ прогулкахъ по городу, по прежнему, цѣлыми часами наблюдалъ то или другое явленіе, интересовался всякимъ встрѣчнымъ, какъ ребенокъ (онъ и любилъ больше всего на свѣтѣ ребятъ, а дѣти обожали этого, по дѣтски добраго и впечатлительнаго человѣка), радовался всему новому, забавному, характерному и типичному. Но переносить все это въ живопись (какъ это рѣшался дѣлать Менцель) ему казалось теперь недостойнымъ и обойтись безъ разсказа, безъ завязки, безъ морали—прямо невозможнымъ. Его уже не удовлетворяло только писать картины ¹⁾. Ему хотѣлось сочинять въ картинахъ нравственныя проповѣди, которыя служили бы для исправленія его ближнихъ.

¹⁾ Чѣмъ былъ бы Федотовъ, какъ простой изобразитель дѣйствительности, вникающій въ смыслъ и прелесть явленій, показываютъ его первыя вещи. «Встрѣча великаго князя полкомъ» или милѣйшій портретъ его, съ родителями, гдѣ все такъ курьезно и вѣрно, а между тѣмъ нѣтъ ни капли назойливой тенденціи, нигдѣ не выглядываетъ оскорбительный для людей и ненавистный имъ учитель и педагогъ. Все такъ же, какъ въ дѣйствительности, но только освѣщено теплыми лучами искусства, прощѣно сквозь драгоцѣнный фильтръ художественнаго темперамента.

Такимъ образомъ и Оедотовъ былъ сбить съ толку, но не Академіей, а своей „литературностью“, весьма, впрочемъ, понятной въ современникъ эпохи небывалаго расцвѣта родной словесности. Зараженный общимъ настроеніемъ, общей жаждой просвѣщенія, Оедотовъ оставилъ простую дѣйствительность, оставилъ простое искусство, къ которому былъ вполне способенъ, и пошелъ вслѣдъ за литераторами отыскивать темы для своей нравственной проповѣди. Но, если грустно, что Оедотовъ подаль первый примѣръ того брюзжанія „картинъ съ содержаніемъ“, которое до такой степени намъ досадило въ послѣдующихъ произведеніяхъ передвижниковъ, то не надо въ тоже время забывать, что не будь этого, явись Оедотовъ и всѣ его послѣдователи только усовершенствованными Венеціановцами, врядъ ли могли бы они такъ рѣшительно совладать со злѣйшимъ врагомъ русскаго искусства—съ академизмомъ, врядъ ли *приучили* бы они публику къ картинамъ, врядъ ли такъ заинтересовали бы и увлекли ее. Публика и, въ особенности, лучшая часть ея (худшая увлекалась Чернышевымъ и Иваномъ Соколовымъ) была въ то время уже слишкомъ настроена на „исправительный“ ладъ, чтобъ оцѣнить что-либо, изображающее попросту дѣйствительность, безъ „полезнаго“ намѣренія.

Первые серьезные работы Оедотова были исполнены сепіей и акварелью, за масло же онъ еще не рѣшался браться. На двухъ изъ этихъ сепій онъ изобразилъ смѣшную страсть къ животнымъ, страсть, доведшую нѣкую даму до того, что она съ горя, по потерѣ своей „Фидельки“, расположилась умирать; на другихъ Оедотовъ изобразилъ старость бездарнаго художника, принужденнаго писать вывѣски, гнусно обманутаго „молодого“, кутежное житіе офицера, какого-то господина, до обморока объѣвшагося и напившагося за пирушкой, наконецъ, женъ-нарядницъ, разоряющихъ своихъ мужей безумными покупками въ модномъ магазинѣ. Все, чисто Гогартовскія темы, полная нравоучительныхъ намековъ, смѣшныхъ сплетеній и умирительныхъ эпизодовъ. Запутанное содержаніе ихъ медленно и не безъ головоломки „считываешь“, приглядываясь то къ той, то къ другой детали, ища разгадку на всевозможныхъ надписяхъ, счетахъ, письмахъ и запискахъ, валяющихся по всѣмъ угламъ. Художественная же сторона въ полномъ загонѣ. Типы на-скоро зачерчены и утрированы: рисунокъ сбить, композиція тѣсная, растерзанная и осложненная до безобразія. Никто не живетъ настоящей жизнью, а всѣ играютъ заданную роль, нѣсколько по-любительски, жестикулируя и гримасничая такъ, чтобы всѣ могли понять ихъ роли, иногда очень неясныя. Странная черта въ Оедотовѣ, этомъ человѣкѣ, всегда такъ пристально всматривавшемся въ жизнь, глубоко понимавшемъ ее,—превращать жизнь въ какія-то *charades en action*, съ грубо-нагримированными актерами. Въ этихъ потѣшныхъ сценахъ нигдѣ нѣтъ просвѣта на истинную прелесть и значительность жизни.

Замѣчательнѣе всего, что эти первоначальныя темы Оедотова и по содержанію являются ординарными, иногда даже просто плоскими анекдотами. Въ рукахъ Оедотова не было еще того жестокаго бича, которымъ Перовъ и Курбѣ стегали по различнымъ общественнымъ язвамъ: по суду и духовенству, по лицемѣрію и грубости буржуа, по пошлomu мѣщанскому разврату. У него не было въ рукахъ той грозной указки, которою оба мастера корили имущихъ за бѣдственное положеніе неимущихъ. Оедотовскіе рассказы никогда не возвышались до истинной сатиры. Они лишь легонько подсмѣивались надъ общими человѣческими слабостями, легонько, съ опаской давали самыя безобидныя наставленія: будь остороженъ, внимателенъ, честенъ, милостивъ.

Наконецъ, въ 1848 году, послѣ долгой и трудной работы надъ собственнымъ самообразованіемъ, тѣмъ болѣе долгой и трудной, что ему приходилось